

И стали они жить-поживать
Ой, ноблесс, ноблесс...

Светлана Багдерина

2

И стали они жить-поживать...

Светлана Багдерина
Ой, ноблесс, ноблесс...

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Багдерина С.

Ой, ноблесс, ноблесс... / С. Багдерина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (И стали они жить-поживать...)

Царевна Серафима, для друзей – Сенька, оказывается в плену у царя Костя, могучего колдуна с манией величия и соответствующими амбициями. Заключенная в башню под охраной умрунов, зверолодей и Змея-Горыныча, она стоит перед выбором: согласиться выйти замуж за Костя... или не согласиться, но стать его женой всё равно. Получится ли у Сеньки протанцевать по лезвию меча и заставить Костя пожалеть о своем бессмертии? Ведь на кону внезапно оказалась судьба не только ее, но и всего Лукоморья. И то, что Змей похитил ее вместо другой, задачи не облегчает.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Светлана Багдерина

Ой, ноблесс, ноблесс...

*Красная девица сидит в темнице,
Сама не ест, и другим не дает.*

Лукоморская загадка

– ...Пусти, окаянный!!! Пусти, кому говорят!!!..

Серафима извернулась и пнула пяткой в чешуйчатый твердый живот Змея-Горыныча.

В любой рукопашной это срабатывало с неизбежностью падающего кирпича. Сейчас же это привело лишь к тому, что с нее свалилась и торопливо направилась к земле-матушке голубая атласная туфелька – подарок царицы Елены. Хотя царевне они никогда особо и не нравились – она предпочитала сапоги, желательно со шпорами – но терять по вине этой мерзкой змеюки, пусть даже и с крыльями, единственную доступную ей сейчас обувь не хотелось нисколько.

И она забарабанила по сжимавшим ее осторожно, но крепко, как прутья клетки, когтистым лапам с удвоенной энергией, хоть и с целью, отличной от прежней:

– Пусти, дурак! У меня туфля упала! Да остановись же ты!!! Чучело огородное!!!.. У меня нога мерзнет!!!

С таким же успехом она могла попытаться раздолбить кулаками колонну, поддерживающую своды Тронного зала лукоморского дворца – холодная жесткая чешуя, покрывающая мускулистое тело чудовища, была столь же податлива, как ее малахит.

Убедившись лишний раз на собственном опыте в бесплодности попыток вступить в переговоры, запугать, разжалобить или обмануть Змея, Серафима устроилась поудобнее в клетке когтей, насколько ей позволяло ее положение. Она поджала под себя, замотав в складках платья, босую ногу – не май месяц на улице, хоть и солнышко светит, спрятала лицо в соболью опушку опашня от бьющего упругими волнами встречного ветра, схватилась одной рукой за венец, чтоб не сдуло, и углубилась в созерцание быстро меняющегося пейзажа внизу и своей нелепой, так же быстро изменившейся судьбы.

От таких поворотов она за месяц супружеской жизни с разлюбезным царевичем Иваном – младшим сыном старого царя Симеона – успела слегка отвыкнуть. Но не слишком. И поэтому то время, которое иная царевна на ее месте потратила бы на слезы и причитания, Серафима решила употребить на выработку стратегии.

В конце концов, разве не о приключениях она мечтала весь этот месяц замужества, не на путешествия ли подбивала своего супруга, чтобы наконец покинуть опостылевшую рутину, благолепие и спокойствие царских палат и снова, очертя голову, врубиться в бестолковую, но радостную карусель событий, открытий и новых мест, которая для нее и была единственно возможной настоящей жизнью?

Сбылась мечта идиота...

Значит, так. Будем думать. Зачем я ему нужна?

Чтобы съесть? Так уж сколько летим – мог бы уже сожрать раз пятнадцать. И к тому же, насколько ей было известно, ни в Лукоморье, ни в Лесогорье, ни в сопредельных царствах и княжествах, выведенные однажды и навсегда героями далекого прошлого, Горынычи не водились. И даже не залетали. То есть этот приперся откуда-то издалека. Очень. Если, конечно, предположить, что на всем этом пути повымерли дикие и домашние животные и даже люди, то версия со съедением вполне проходная. Но ведь они живы-здоровы! Вон, внизу какая-то то

ли маленькая деревня, то ли большая пасека, и коровы пасутся. А по реке корабль только что проплывал. Пассажирский. Так что с разнообразным меню здесь порядок.

Значит, есть не будет. По крайней мере, не сразу.

Что еще? Для коллекции?

Где-то и когда-то было написано, что Змеи-Горынычи похищают красивых девушек просто так, из любви к прекрасному, и держат их в своих... этих... ну, где они там живут. Но это тоже не про меня. Я, конечно, про себя могу сказать много хорошего, но до слова «красивая» дойду не скоро. Да и, честно говоря, не очень-то я в эти рассказы и верила. Это ж надо везде летать, выбирать самых посимпатичнее, отлавливать их, потом следить, чтобы не разбежались, кормить их – поить и все такое... Это ж сколько мороки! Богатыри заметят – придут и уконтрапунтят, глазом моргнуть не успеет. Пусть не сразу. Зато неизбежно. Хотя, с другой стороны, кто их знает, этих Горынычей, чего им надо...

Значит, такой вариант исключать не будем. Еще что? Что еще?...

Царевна подумала о том, что если бы на ее месте был Иванушка – если бы, конечно, нашелся настолько дегенеративный Змей, который стал бы воровать богатырей – то уж он-то, без сомнения, напридумывал бы версий – одна невероятнее другой, успевай записывать. Ей же в голову ничего вразумительного почему-то больше не приходило. И она перешла к обдумыванию тактики.

Пока окончательно не замерзла.

Змей покружил над серой, почти безлесной горой с гладкой и плоской, как стол, вершиной, завис над ней, поднимая крыльями тучи мелкой пыли, выронил царевну и тут же приземлился рядом.

Вообще-то на этот случай Серафима планировала быстро проскользнуть у него с тыла и юркнуть в лес, кусты, расселину или пещеру – в зависимости от местности, но за несколько часов полета произошло то, что она также предвидела и чего боялась больше всего.

И теперь закоченевшая, выбивающая зубами чечетку царевна под неприязненным взглядом трех пар глаз делала не слишком успешные попытки хотя бы просто встать на ноги и распрямиться.

– Ну и что? – уперев руки в боки и грозно насупившись, обратилась она к Змею сразу, как только преуспела. – Чего тебе от меня надо?

«Ешкин кот, и какой же ты громадный...» – тоскливо добавила она про себя, в первый раз получив возможность толком рассмотреть своего похитителя. – «С крестьянскую избу ведь, не меньше... Причем с пятистенную... двухэтажную... С терраской... И шеи обхватом с корову... Если не с полторы... Такие не рубить – пилить надо... И не один час... Как же я тебя, родимого, ухайдакаю-то, а?...»

Бесстрастные желтые глаза с черными вертикальными щелями зрачков, не дрогнув, встретили ее взгляд. Шея средней головы вдруг изогнулась так, что гребнистая землисто-зеленая башка оказалась вровень с лицом Серафимы и всего в полуметре от нее.

«...А зубы... Ё-мудё... Ну вот зачем вот им такие зубы...»

Змеиные глаза угрожающе вперились в отчаянно-шальные очи царевны.

– Слушай меня внимательно и запоминай, – медленно, с расстановкой заговорила голова, и Серафима непроизвольно содрогнулась от оглушительного злобного рыка. Каждое слово, вырывающееся из глотки Змея, было как удар его когтистой лапы – тяжелое, беспощадное и смертоносное.

– С сегодняшнего дня твое имя не такое, как было прежде. Теперь тебя будут звать царица Елена Прекрасная. Я украла тебя по приказу царя Костея царства Костей. Он хочет жениться на тебе. Если ты хочешь, чтобы твои родичи были живы, то ты не скажешь царю, что ты – это не она. Ты меня поняла?

Серафима ожидала чего угодно, только не такого. Глаза ее вытаращились, рот приоткрылся и даже дар речи запропал куда-то, оставив вместо себя только туповатое:

– Че-во?!..

Я – Елена?... Жениться на каком-то Кощее?... И Змей – девочка?...

Ну вы даёте, ребята...

– Ты гуляла по саду вместе с царицей, – не обращая внимания на ее состояние,¹ продолжала Змея. – Значит, ты достаточно высокого рода, чтобы выйти замуж за царя. Как тебя зовут? Не то чтобы это имело какое-то значение.

– С-сераф-фима...

– А кто ты?

– Жена царевича Ивана...

– Ты меня поняла, Серафима, жена царевича Ивана? – теперь царевну окружили с трех сторон уже все три головы. – Тебе не нужно повторять дважды? Если ты проговоришься, я сдержу свое обещание, так и знай. А теперь – полетели.

– Но подожди! Постой! – Серафима вскинула ладони к центральной голове, взывая к ее и ее товарок здравому смыслу. – Ведь я не похожа на Елену!

– Он не знает, как она выглядит.

– Но она красавица!

– Ему сойдешь и ты.

– Спасибо...

– Не стоит благодарности.

– Но я все равно убегу!

– Я лично буду тебя караулить. И если ты убежишь, то я тебя поймаю. Всё. Полетели.

– Но послушай! Почему ты украл... ла... не саму Елену, а меня? Все ведь было бы гораздо проще! Еще не поздно вернуться и все исправить!.. – увидела царевна в логике действий Змеи дыру, через которую вполне можно было бы выскочить и унести ноги и все остальное.

Этот простой вопрос неожиданно привел Змею в замешательство. Она моргнула всеми шестью глазами, отвела их и, Серафима могла поклясться, что если бы она была хамелеоном, она бы покраснела.

– Какая разница... – промямлила левая голова.

– Я не обязана тебе ничего говорить, – неуверенно фыркнула средняя голова.

– Хотя, может, тебе это поможет пережить твою горькую участь, – вздохнула правая голова. – Я сначала действительно хотела похитить ее...

– ...но, видишь ли...

– ...она бы этого не перенесла...

– ...ей вредно волноваться...

– ...потому что она ждет ребенка.

– ЧТО???!!! – это известие вызвало реакцию едва ли не более бурную, чем сообщение о своем предстоящем браке под чужим именем с каким-то маньяком. – Что, я хотела сказать? То есть откуда ты знаешь?...

– Мы, Летучие Змеи, знаем такие вещи, – средняя голова снова взглянула царевне в глаза, но на этот раз без угрозы – скорее, сочувственно.

– И я не смогла забрать ее...

– ...никогда бы не простила себе этого...

– ...а ты шла отдельно от всех...

– ...и вид у тебя был такой несчастный...

– ...такой подавленный...

¹ Очевидно, привыкнув к такому проявлению людской сообразительности в ее присутствии.

– ...что я подумала, что хуже тебе уже не будет...

– ...и забрала тебя. Вот.

– Ну ничего себе!.. Ну ничего себе!.. – казалось, Серафима не находила других слов. – Ну ничего себе!!!..

Опять она из-за этой Ленки должна страдать! И кто только мог подумать, что та на сносях!..

Стоп, сказала она сама себе. Все могли подумать. Потому что все знали.

В последнее время с этой Еленой все носились, как с ваваясьской вазой. «Царица, хорошо ли тебе, царица, удобно ли тебе, царица, не замерзла ли, царица, не упарилась ли, не хочешь ли того, не хочешь ли этого, царица то, царица сё...». Все знали. Кроме меня. А мне просто не сочли нужным сказать. Зачем? «Ох, уж эта ужасная Серафима...» Меня никто в семье Иванушки не любил. Что бы они ни говорили, я всегда была там чужая. Да и самому ему я, такое впечатление, надоела. Вечно он чем-то занят, находит десяток нелепейших отговорок, лишь бы не проводить время вместе... Мне скоро придется в комнате его портрет повесить, чтобы не забыть, как он из себя выглядит! Летописи у него... Инвентаризация хроник... Наверное, вздохнул с облегчением, когда узнал, что меня эта гадина утатила! Избавился от лишней головной боли... Да от такой жизни хоть к Костею в жены – и то малиной покажется!..

Где-то в глубине своей смятенной, растерянной души Серафима понимала, что возводит страшную напраслину на Ивана, но ничего не могла с собой поделать – уж больно все оказалось внезапно и очень плохо. И если действительно суждено ей будет провести остатки дней замужем за этим костлявым царьком,² то думать и помнить о том, что Иван и вправду любил ее и теперь места себе не находит, было бы уж совсем невыносимо. Расслабляться нельзя. Надо быть собранной, готовой в любую минуту бить или бежать, что бы ни говорила эта змеюка.

Ну, царишка недокормленный, ты еще двадцать раз пожалеешь, что связался с царским домом Лукоморья. Ну, держись!

И Серафима упрямо сжала губы, прищурилась, точно в поисках цели, и обвела взглядом все три башки, с сострадательным выжиданием наблюдавшие за ее мыслительным процессом, слишком ясно, видно, отражавшимся на побледневшем и враз осунувшемся лице.

– Полетели, – кивнула она.

Чудовище взмахнуло крыльями размером с крестьянский огород.

– А послушай, Змея, – вдруг пришел в голову царевне неожиданный вопрос. – У тебя имя какое-нибудь есть? Как тебя звать-то?

Крылья замерли. Головы переглянулись, и одна из них, потупившись, ответила:

– Змиуланья... Можно Лана...

– Серафима... Можно Сима, – вымученно улыбнувшись, еще раз представилась она. Конечно, «Сеня» ей нравилось больше, но так ее никто не называл, кроме Иванушки, и делить воспоминания о нем с первой встречной рептилией ей не хотелось.

Змиуланья осторожно подняла ее и взмыла в воздух.

– Да ты не расстраивайся так, – пока одна голова прокладывала курс, две крайние склонились к ней. – Может, всё еще не так плохо. Может, он тебе еще понравится...

Последнее предположение даже в исполнении Змеи звучало фальшиво, как флейта из водосточной трубы.

– Как он хоть выглядит-то? – вздохнула Серафима.

– Х-хорошо выглядит, – несколько растерянно заверила ее правая голова. – Красивенький. Невысокий такой...

– Старенький, – сообщила левая голова.

– Тощенький... – подсказала правая голова.

² Конечно, она сильно надеялась, что это будут остатки ЕГО дней, но кто знает.

– И блондин. Только лысый... – добавила левая голова.

– И одноглазый, – вспомнила правая.

– И по-твоему, это – красивенький?! – от изумления Серафима чуть не вывихнула свои собственные глаза, стараясь посмотреть одновременно в две пары змеиных очей, находящиеся по разные стороны от нее. – По-твоему, это – «хорошо выглядит»?!..

– Н-ну, д-да, – нерешительно подтвердила правая голова. – А что тебе конкретно в нем не нравится?

Царевна от такого вопроса даже ненадолго задумалась.

– Ну, во-первых, у него всего один глаз!..

– Зато зуба два, – тут же парировала левая голова.

– Что «во-вторых»? – спросила правая голова.

– Да нет... Какое уж тут «во-вторых»... – разговаривая, скорее, с собой, пожала истерично плечами Серафима. – Все в порядке. Красотулячка. Блондин. Два зуба – глаз один... Лысый, зато тощий...

Змиулания, похоже, обиделась:

– Что ты имеешь против лысых и тощих? Это несправедливо! Человек не может отвечать за то, как он выглядит!

Серафима хотела возразить, что у Змеи несколько устаревшие понятия о справедливости и здоровой пище, но решила сосредоточиться на первом пункте.

– Против просто лысых и тощих я ничего не имею! Ты бы видела моего отца! Но я имею против лысых и тощих, которые приказывают другим воровать для них людей! Кстати, почему ты это делаешь?

– Что – это? – уточнила Змиулания.

– Всё это! – обвиняюще возгласила царевна. – Меня украла! Что мы вообще тебе сделали?! Почему ты его слушаешься? Тебе это нравится? Ты с ним заодно, да?

Змиулания была первым живым существом, продемонстрировавшим миру, что можно одновременно смутиться, возмутиться и разозлиться.

– Твое-то какое дело!!!..

Идохнула огнем.

Вершина горы внизу превратилась в кратер с быстро остывающей каменной жижей.

Но Серафима не испугалась. Вернее, испугалась не настолько, чтобы прекратить допрос.

– Не мое дело это было, пока ты меня не унесла! А сейчас – чье же еще, как не мое?

Змиулания задумалась всеми тремя головами, вздохнула и неожиданно тихо сказала:

– Не думай об этом, Серафима. У тебя скоро будет по горло своих забот. И не спрашивай меня больше об этом. Пожалуйста.

Царевна хотела что-то возразить, но, услышав от Змеи «пожалуйста», удивилась настолько, что не стала. Своих забот у нее, судя по рассказу ее похитительницы, действительно будет невпроворот. И до прибытия надо обдумать стратегию. То, что ей предстояло, обещало быть еще более длительным и бессмысленным, чем игра в преферанс по переписке.

А еще ей надо будет при этом жульничать.

Ну да ничего. Пусть всем им будет хуже. Они хотели Елену Прекрасную?

Что ж. Они ее получают.

Змея приземлилась посередине самого широкого двора самого огромного замка из когда-либо виденных Серафимой, рядом с одиноко торчащей в небо черной башней с часами. К ним тотчас же подбежали солдаты в черных кожаных доспехах во главе с толстяком, который на всех кричал, не забывая и Змиуланию.

– Генерал Кукуй, – громко представился он, и от его рыка отшатнулась даже Змея. – Следуйте за мной.

Наверное, он ожидал слез, обмороков, истерик или, на худой конец, возражений и пререканий, но все это Серафима берегла для другого зрителя, и поэтому удостоила генерала только колючим, как лезвие стилета, запоминающим взглядом, от которого он даже сбавил громкость на полутон и больше к ней не обращался. Впрочем, может, это Костей приказал ему не трепаться шибко, подумала Серафима и решила больше не делать пока выводов, а просто идти в окружении его безмолвных и бесстрастных, не в пример своему командиру, солдат.

Серые шершавые стены замка медленно надвигались на нее. Замка, который уже знал, что станет ее тюрьмой, и теперь абсолютно безразлично взирал на нее черными пятнами зарешеченных окон, ожидая ее приближения.

Так и надо. Надо быть холодной, безразличной и непроницаемой, как камень. И даже как лед.

Царь Костей сделал шаг навстречу пленнице и наткнулся не на стену – на многокилометровую толщу ископаемого ледникового льда ее спокойных зеленых глаз. Полк огнеметчиков, популяция Змеев на пике демографического взрыва, мировой пожар – ничто не смогло бы выжать из них даже самую малую каплю сочувствия или снисхождения.

– Кто бы вы ни были, милейший, я требую, чтобы вы немедленно приказали вашему домашнему животному отнести меня обратно в Лукоморье, к супругу моему царю Василию, – ровным голосом без тени эмоций произнесла Елена.

Его Елена. Наконец-то. Именно такой он себе ее и представлял – прекрасной, далекой, холодной... И вот она здесь.

– Меня зовут Костей. Я – правитель царства Костей, и Змея принесла тебя сюда по моему приказу, ты правильно поняла, Елена. Куколка ты моя лукоморская...

– Матрешка, что ли? – брезгливо, сверху вниз не только в буквальном, но и в переносном смысле глянула на него пленница.

Пересилив невесть откуда накотившую на него робость, Костей упрямо сжал тонкие губы, сощурил единственный глаз, не в силах отвести его, и сделал к предмету своей мечты еще один нерешительный шаг.

Надо вспомнить ту речь, которую он заготовил еще неделю назад.

Все вылетело из головы.

Какая она красивая...

– Ты станешь моей женой, хочется тебе этого или нет. Ты – часть моих грандиозных планов, и твое согласие или несогласие не имеют никакого значения. Все решено. Снежинка упала на вершину горы. Скоро лавина поглотит весь мир, – механически, не отводя глаз от лукоморской царицы, произнес Костей, и сам не узнал собственного голоса – хриплого, срывающегося, неживого.

Так же ее можно напугать!..

Тем лучше.

Какая она неприступная!..

– Меня не интересуют прогнозы погоды, – настал черед Серафимы щурить глаза-бойницы, и Костей с замиранием сердца почувствовал, что обещанная им лавина – всего лишь жалкая кучка снега на детской площадке по сравнению с глобальными катаклизмами, предрекаемые ее ледяным взором. – И я не помню, чтобы мы пили на брудершафт. А кроме того, у меня есть муж, и я не буду выходить замуж за какого-то сельского короля хрящей, или как вас там, со способностями к дрессуре. Выступайте в цирке, милейший, если вам не хватает внимания. А я покидаю вас.

И, не дожидаясь реакции со стороны хозяина, Серафима развернулась и величаво поплыла к выходу.

Он не знал, что она начала отсчет.

Раз. Два...

– Нет, постой!..

Костей едва успел остановить сам себя, чтобы не побежать за ней вслед как последний смертный, махнул рукой – и двери зала захлопнулись с раскатистым гулом.

– Стой, тебе говорят!..

И невидимая сила развернула своенравную пленницу, подхватила ее и усадила на грубый деревянный стул с подлокотниками, который все в этом замке гордо называли креслом.

– Нет, ты выслушаешь меня до конца, строптивая женщина! – яростно кинулся к ней царь.

– Если вы действительно хотите, чтобы я вас выслушала перед тем, как уйти, возьмите на себя труд запомнить, что ко мне надо обращаться «ваше величество» и говорить «вы», – снисзошла презрительно Серафима.

Я спокойна и холодна, напомнила она себе. Я – лед и пламень... тьфу, то есть, лед и камень. И мне абсолютно всё равно, что он, оказывается, еще и колдун. Ну вот всё равно – и всё. Всёравнее быть просто не в состоянии. Ну, подумаешь, колдун. Что я – колдунов не видела. Я спокойна, как сто слонов. Нет, как тысяча. И мне вправду чесслово ну вот совершенно абсолютно всё это безразлично. Ха, колдун!..

МА-А-А-А-МОЧКИ РОДНЫЕ!!!!..

ПОМОГИТЕ!!!!..

– Ты... вы не уйдете! – начал было и быстро, к собственному смущению, исправился Костей и отступил на несколько шагов. – Этот замок вы покинете или моей женой, или тру... или не покинете его никогда! Возврата к прошлому нет! Наша женитьба – только первый шаг к моему будущему величию. Я слышал, у те... у вас имеется множество совершенно ненужных родственников – это проблема решаемая. Можете считать, что их уже нет. И это будет последняя преграда между мной и этим вашим Лукоморьем. Да, я гений вселенского масштаба, и мне мало этого затхлого царства на задворках Белого Света – я хочу обладать всем миром. И обязательно буду. Вы и я будем его единоличными правителями. Моей магии в сочетании с запасами людей и сокровищ Лукоморья никто не сможет противостоять! Я стану всесильным! Под моим натиском падет все Забугорье – Вондерланд, Шантонь, Лотрания – а потом и весь мир! Так что, я предлагаю вам стать женой владыки мира. «Ваше величество» будет звучать для вас унижительно. Мы придумаем новое звание, от которого будут трепетать народы и континенты. Все и всё будет лежать у ваших ног. Власть, слава, богатство – всё! Выбор за вами... Не то, чтобы он у вас был, – после короткой паузы опомнился, устыдился своей пламенной речи и уточнил царь, тут же потупив очи.

Пока Костей говорил, лицо Серафимы медленно превращалось в маску холодного вни-мания, рядом с которой выражение змеи за секунду перед броском показалось бы рассеянной мечтательной улыбкой.

Как бы ни ойкал вечером Иванушка, что бы не ворчала на примерках Елена, а хороший метательный нож в рукаве никому и никогда еще не помешал.

Костей услышал шорох парчи, поднял глаз, но не успел ничего понять, как из руки царицы вылетела стальная молния и ударила его прямо в горло... и отскочила.

Узкие губы царя растянулись по направлению к ушам. Возможно, он имел в виду улыбку.

– Я забыл сказать вам, Прекрасная Елена. Я бессмертен, а значит неуязвим...

– Что, совсем?!..

– Да, моя царица. И я бы охотно пережил еще несколько покушений на мою жизнь, лишь бы увидеть на вашем прекрасном личике хоть какое-то выражение, отличное от равнодушия и пренебрежения.

– Что, совсем-совсем неуязвим?! – Серафима напрочь позабыла о своей нелегкой роли и судьбе, вскочила со стула и быстро подобрала нож.

Так настоящий герпетолог, укушенный змеей, вместо того, чтобы кричать и бежать за противоядием, хватается одной рукой за змеиный хвост, другой – за свою записную книжку и радостно начинает описывать новый, неизвестный ранее вид, называя его именем своей возлюбленной.

Бессмертие? Да вы просто не с той стороны брались за дело!

– А так? А так? А так?... – она несколько раз попыталась воткнуть нож в различные части тела Костея – под разным углом и с разным усилием, но с одинаковым неуспехом. – Что, ты совсем ничего не чувствуешь?

– Н-нет... – лицо Костея вытянулось, как вамаясский сарафан после стирки, и, казалось, он просто впал в ступор от такого поворота событий.

– Н-ну-к-ка, а так? – и она зашла ему в тыл и попыталась свернуть ему шею.

– Н-нет...

– А так?... – дубовый стул обрушился на пошедшую кругом голову Костея.

– Н-нет...

– А так? – щипцами был принесен переливающийся жидким пламенем черно-красный уголек из камина и приложен к Костевой груди рядом с таким же алым камнем на золотой цепи.

Одежда начала тлеть, но Костей даже не дрогнул.

– Н-нет...

– Хм... Тяжелый случай... – поскребла под венцом Серафима. – А если в окошко выбросить? Что-нибудь сломается?

Этот вопрос поставил в тупик даже Костея.

– Н-нез-знаю... М-меня никто еще не выбрасывал в окошко...

– Подходи, – царевна решительно ухватила его за рукав и потянула в указанном направлении. – Решетку щас снимем. Какой у нас тут этаж?

– П-пятый... Но Елена!.. Что ты делаешь!.. Я не собираюсь прыгать ни в какое окно! – кажется, царь Костей потихоньку начал возвращаться в себя.

Серафима остановилась.

– Жаль. Хм-м-м... Что у нас остается? Из большого лука стрелять? Травить? Раздавить под прессом? А, во, точно! – и она завертела головой по сторонам. – У тебя тут чана с водой не найдется?

– Зачем?!..

– Попробуем прекратить доступ воздуха в организм, – с видом и авторитетом Великого Магистра на показательных выступлениях в собственной лаборатории пояснила раскрасневшаяся от усилий царевна.

– Но Елена!.. Елена!.. Елена!.. – Костей от растерянности и смутения не находил других слов. – Елена!.. Я теб... вас совсем не такой представлял!..

– Что?

Через пелену экспериментаторского духа до Серафимы, наконец, дошло, что она рискует выдать себя с головой и через это подвергнуть опасности ничего не подозревающих – пока – Ивана, царя, царицу и эту сухую мозоль Елену Настоящую. Она поспешно отдернула руки от своего пояса, при помощи которого, за неимением под рукой воды, хотела проверить, не удастся ли прекратить доступ воздуха в организм более простым путем, и сделала вид, что просто хотела его поправить. Маска снисходительного равнодушия с некоторым усилием согнала с лица испуг и разочарование.

– Извините, милейший, – слегка выпятив нижнюю губу, процедила царевна. – Кажется, я несколько увлеклась.

Ни дать, ни взять – светская львица всех королевских дворов Белого Света. Какие эксперименты? Вам показалось, милейший. Но царя теперь было с толку не сбить.

– Я думал, что похищаю скромную и кроткую женщину, а вы... вы... Вы оказались самоуверенная... коварная... безжалостная...

Серафима почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног в неизвестном направлении, не сказав последнего «прости».

Прощай, Иванушка... Я не хотела...

– Вы не смеее так разговаривать с незащищенной девушкой!..

– Кажется, вы утомились, – Костей тоже попытался казаться безразличным, но продемонстрировал только то, что его не взяли бы даже в сельскую самодеятельность. – Вас проводят в ваши покои. Там вы отдохнете и переоденетесь к ужину.

И он сделал то, чего не делал никогда в жизни.

Он поклонился.

Впрочем, еще одну вещь, которую он тоже не делал никогда в жизни, он совершил еще несколько минут назад.

Костей влюбился.

Повинуясь приказу царя, угрюмые солдаты в черном проводили Серафиму такими же угрюмыми коридорами, только в сером, до места ее заключения – одной из многочисленных башен – кряжистых, массивных, уходящих в небо бастийонов, построенных, чтобы встретить и пережить не один десяток осад, землетрясений и, как минимум, парочку концов Белого Света в придачу.

По дороге царевна подвела краткие итоги первой встречи и пришла к неутешительному выводу, что ее похитил колдун, который к тому же бессмертен, что над Лукоморьем вообще и всеми ее родичами – по линии Иванушки в частности – нависла страшная угроза, предотвратить которую она была не в силах, и что ни предупредить их, ни бежать отсюда невозможно.

Оставалось только отдаться на волю судьбы и ждать, что та уготовала для нее далее.

Ну а раз так, то надо было постараться сделать так, чтобы ее краткое (она все еще надеялась) пребывание здесь запомнилось всем и надолго.

Особенно ее самозваному женишку.

Если это закончится плохо для нее – что ж... Тем лучше.

В семнадцать лет все в глубине души знают, что они бессмертны, а проводить вечность в компании этого недокормленного царька ей отнюдь не улыбалось. Поэтому тактику Серафима выбрала простую: помирать – так с музыкой.

Несколько идей на этот предмет у нее уже были, остальные должны были представиться по ходу действий.

Неизвестно, планировал ли Костей запугать свою пленницу, подавить волю к сопротивлению, убить всякую надежду на избавление или просто не оставить под открытым небом, выбирая для нее эти палаты – серые, холодные, с закопченным, забывшим что такое огонь, камином, буйством паутинных кружев под высоким, но давящим своей серостью и корявостью потолком, и таким слоем пыли на антресолях единственного шкафа, что его можно было видеть, не вставая на стул. Добился же он только того, что раздражение царевны, и без того решившей идти вразнос, достигло того уровня, когда выбивает клапана, срывает манометры, а сам котел находят на центральной площади.

Причем соседнего города.

Взрыв произошел, когда она узнала, что охранять ее действительно поручено Змее, которая будет жить в смежной светлой комнате наверху с огромным, во всю стену, окном, хоть и незастекленным. И это при том, что на ее уровне – только три жалких, стесняющихся своего существования узеньких окошка-бойницы, и то два из них во двор.

– Я, царица Лукоморья, дочь царя Стеллы... одного из царей Стеллы, но это неважно! – не буду жить в одном помещении с неуправляемым чешуйчатым животным! И мне не нравятся эти каморки! Мне не нравится эта башня! Мне не нравится этот замок! И я требую окон в моих комнатах! Много! И штор на них! И нормальной мебели, а не этих ваших ящиков из-под гвоздей! И шкафов для всего этого вашего тряпья, которое в Лукоморье не стала бы носить даже прачка!

Ошарашенные таким натиском солдаты вытянулись во фрунт, прижались к стене и молча вытаращились на разошедшуюся Серафиму.

– Что это, по-вашему, а? – развоевавшаяся царевна ткнула в нечто серо-коричневое, наклеенное на стены, и поэтому имевшее шансы быть обоями.³ – Что это, я вас спрашиваю, а?!

– Не можем знать! – в один голос рявкнули солдаты.

Своим ограниченным умруновским интеллектом они понимали, что человек, который способен на них орать с таким самозабвением, не может быть никем иным, как командиром. А на вопросы командиров гвардейцы отвечать были приучены. К тому же они действительно первый раз в жизни видели обои, которые их правитель, в великодушном порыве обустроить шикарные апартаменты для своей будущей супруги, приказал наклеить в этих комнатах.

Для всего остального замка это было неслыханной, немыслимой роскошью, необъяснимым излишеством, о существовании и назначении которого никто не мог даже начать догадываться.

Для Серафимы это было поводом начать разведку боем.

– Ах, так?! – она воткнула руки в боки, сжала губы, прищурила глаза и поперла грудью на солдат. – Тогда немедленно сдерите ЭТО со стен! Я ни секунды более не буду находиться в одной комнате с ЭТИМ, что бы это ни было!!! Быстро!!!

Приказы командования не обсуждаются. И через десять минут гвардейцы стояли по колено в рваной, пахнущей вторсырьем и сыростью бумаге, большей частью и так добровольно отвалившейся с серого гладкого камня.

– Что вы тут накидали?! Свиарник развели! Немедленно выбросьте это!!!

– Куда? – сосредоточенно посмотрел на нее один умрун.

– В окно!!!

Сначала генерал Кукуй обеспокоился долгим отсутствием почетного эскорта, отряженного проводить Елену Прекрасную до ее места заключения. За ним старший советник Зюгма озаботился непонятной кучей отвратительных ключев бумаги во дворе. Потом оба они застали врасплох и смутили царя, рассуждавшего в уединении в банкетном зале над неразрешимой проблемой этикета – стелить ли на стол скатерть, или просто приказать поставить тарелки на том его конце, частое использование которого было еще не так заметно. Усилиями совместного логического мышления они скоро пришли к одному выводу, и все трое, сначала степенно, а потом – вприпрыжку, прибыли к месту заключения их лукоморской пленницы.

Едва успев открыть дверь, они были тяжело поражены в самый центр обоняния большой затхлой подушкой.⁴ Маленькое вонючее облачко лысых слежавшихся перьев и испревшего пуха окутало первые лица царства Костей и быстро облепило их, а остатки осели под ногами.

– Ф-фу...

– Чхи!..

– Елена!.. Что все это значит? – несмотря на титаническое усилие Костя, этот вопрос прозвучал не угрожающе, а жалобно.

³ Хотя в прошлой жизни оно наверняка было самой дешевой упаковочной бумагой в мясной лавке.

⁴ Вошедшая в раж Серафима не стала дожидаться, пока визитеры представятся – она била на звук, и такое удачное попадание стало приятным сюрпризом.

Даже бессмертный гений зла, облепленный перьями, не может выглядеть угрожающе по определению.

– Ах, это вы, милейший! – Серафима моментально сложила черты лица в уже отрепетированную и зарекомендовавшую себя гримасу холодной брезгливости. – Я навожу здесь порядок. Не думаете же вы, что если вы похитили меня из родного дома при посредстве вашей отвратительной рептилии, то я буду обязана жить в этой убогой конуре, куда вы сочли возможным меня заточить!

– Все похищенные царицы живут там, куда их заточают!.. – возражение Костя прозвучало как оправдание.

– Я – не все! Я – Елена Прекрасная! А в таких свинских условиях у вас не стала бы жить даже Крошечка-Хаврошечка!

– Но это – самые лучшие апартаменты! Здесь даже есть... были обои!

– Обои! Ха! Вас обманули, милейший – обои должны быть из шелка, а не из промокашки!

– Что?!..

– А эта пыль, грязь, паутина! Вы, верно, собирали их по всему замку специально к моему прибытию? Хорошо, что тут хотя бы были тряпки...

– Где мои гвардейцы? – воспользовавшись замешательством своего повелителя, из-за его спины выглянул генерал Кукуй.

– Гвардейцы? Моют пол, сматывают паутину и выгребают пыль. Если вы пришлете еще человек десять, им тоже найдется занятие, генерал.

– Да кто вам...

– И, кстати, вам кто-нибудь говорил, что вы – единственный в мире человек, которому не идет черное? На вашем месте я бы внесла в ваш костюм свежую струю цвета – вы бы смотрелись тогда более эстетично. Если вы будете хорошо себя вести, я обещаю подумать над этим вопросом и дать вам свои рекомендации.

– Что?!..

– Но тут не было никаких тряпок! – настал черед Зюгмы подхватить выпавшее из рук товарищей знамя. – Я лично готовил эти покои к вашему... появлению! Здесь были только наряды... Гром и молния! Наряды! Я лично заказывал их портнихам в городе! Платил... обещал заплатить золотом!.. Они шили их два дня!.. Мои наряды!.. Ваши наряды!..

– Скорее, ваши, чем мои, – елеино улыбнулась советнику Серафима. – Я такое не ношу. И никто не носит. Уже лет семьдесят. Так что, вы должны быть довольны, что им нашлось хоть какое-то применение, кроме протухания в шкафах и прокормления моли.

– Что?!..

Костей вдруг с ужасом понял, что все идет не так, как должно, что инициатива им была только что потеряна во второй раз, а, вернее, и не находилась с раза прошлого, и что он стал свидетелем невообразимого еще несколько часов назад конфуза двух своих первых помощников.

Конечно, от этого можно было отмахнуться, но самым главным было то, что ОНИ стали свидетелями конфуза ЕГО.

Конечно, он-то это переживет...

Взяв эту мысль на заметку, он взмахнул рукой по направлению к двери:

– Зюгма, генерал – можете идти. И заберите своих... солдат.

Слово «умрунов» чуть привычно не сорвалось с его языка, но он вовремя спохватился – Елене рано еще было знать это. Пока с него было достаточно проверки его бессмертия и превращения в руины самых роскошных покоев замка.

Слово царя, даже сказанное вполголоса, было законом.

Пока.

И оба придворных мужа и умруны, без лишних напоминаний, побросав все дела, быстро, как вода из решета, исчезли. Костей остался с пленницей наедине.

Несколько секунд ему понадобилось, чтобы вспомнить, что он, а не она хозяин этого замка, этой страны и – очень скоро – станет хозяином этого Белого Света. Еще пара – чтобы сообразить, как такие люди должны разговаривать со всем остальным миром и придумать первую фразу, которая недвусмысленно демонстрировала бы все вышеизложенное.

Наверное, это была очень запоминающаяся и емкая фраза – сейчас мы этого уже не узнаем. Потому что, воспользовавшись замешательством противника, Серафима решила углубиться на его территорию.

– Смотрите! – трагично вскинув брови домиком, она обвела дрожащей рукой картину разрушения вокруг, медленно начинающую вырисовываться из оседающей пыли. Любой вражеской армии, чтобы добиться такого, пришлось бы поработать в три смены как минимум два дня. – Посмотрите, что вы наделали!

– Я???!!!..

– Да, вы! Это произошло по вашей вине! Неужели унижать и оскорблять несчастную девушку, и без того грубо и внезапно похищенную вами из родного дома, доставляет вам удовольствие?!..

В другое время Костей без раздумья ответил бы утвердительно, но теперь что-то ему нашептывало, что настала пора пересмотреть систему ценностей.

Но некоторые люди предпочитают до конца отрицать очевидное.

– Да, сударыня, – он твердо сжал губы и вперился единственным оком в переносицу пленницы, потому что так и не смог решить, в какой именно глаз собеседнику лучше смотреть. Как бык, который видит перед собой матадора, помахивающего красным плащом, и верит, что чтобы сравнять его с землей, надо всего лишь хорошо разбежаться, он был не в силах оставаться на месте. – Это ВЫ устроили тут разгром, и ВЫ будете продолжать здесь оставаться, нравится вам это или...

– Нет. Меня вполне бы устроили эти покои, если бы не пыль, – матадор, сделав изящный поклон, отступил в сторону. – Видите ли, я не выношу пыли. Я выхожу из себя. Но если с этим ничего нельзя поделать даже при помощи магии... Извините, я не хотела вас обидеть, я понимаю, что у каждого чародея – свои ограничения, пара отработанных эффектных трюков, за которыми стоят годы упорного труда...

За спиной у пижона в красном плаще оказалась яма. Но бык, даже провалившись туда со всеми рогами и копытами, так и не понял, что произошло.

– Трюков? – презрительно перекосившись, выплюнул это слово Костей. – Ограничения? У меня нет ограничений! Смотрите, вздорная женщина!

Серафима быстро решила, что за «вздорную женщину» отыграется позже, и стала смотреть.

Костей, победно ухмыляясь, провел рукой, как будто стирая что-то со стекла, на груди его вспыхнул алым огнем камень, и вся пыль и паутина исчезли из комнаты, как будто их там никогда и не было.

– Смотрите!

Стены покоев на глазах оделись в черный шелк.

– Смотрите!

Шелковое черное платье приобрел и потолок.

– Смотрите!

Кровать покрылась таким же шелковым покрывалом, по которому тут же разбрелась отара упитанных подушек в наволочках из – угадайте! – черного шелка.

Серафима перед следующим превращением успела заключить с собой пари, что О покроется в черный шелк следующим ходом, и сама же себе проиграла, потому что предположить, что черным шелком можно покрыть пол, не хватило воображения даже у нее.

Камень на груди царя стал медленно меркнуть.

– Трюки! Годы! – высокомерно хмыкнул Костей и торжествующе глянул на пленницу, ожидая увидеть восхищение, благоговение, изумление, но наткнулся на задумчивый оценивающий взор.

– Искусство ваше вельми необычайно есть, – почему-то перешла на старолукоморский Серафима. – Но не кажется ли вам, царь, что черный для жилой комнаты будет несколько мрачноват?

Костей в недоумении уставился на нее. С его точки зрения «мрачновато» было не недостатком, а комплиментом.

– Я бы сказала, цвет морской волны сейчас чрезвычайно модный, – так же медленно продолжала думать вслух царевна. – Но я понимаю, что, наверное, это слишком сложно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.